Сергей Тисон

ЦЮРИХ, 1998. ЦЕНА ОДНОЙ

Сергей Тисон

ЦЮРИХ, 1998. ЦЕНА ОДНОЙ ОШИБКИ

https://litres.ru/75030822
SelfPub; 2026

Аннотация

Цюрих, август 1998 года. За шесть лет до этого при заполнении декларации оборвалась телефонная линия — и одно слово, «для», не прозвучало. Теперь одиннадцать миллионов двести сорок тысяч долларов — деньги трёх тысяч семисот тюменских семей — по бумаге принадлежат человеку, который по бумаге умер в 1945-м. 14 августа приходит извещение о смерти Савельевича — вторая его смерть в документе. Счёт заморожен. У Артёма Быстрова сорок минут, один телефон и одна фраза — «Я держу их для тех, кто верил». Цена одной ошибки начиналась в 11:43 — и будет платиться четыре года. Вторая книга серии «Артём Быстров».

Содержание

ЦЮРИХ, 1998. 6
АННОТАЦИЯ 7
СОДЕРЖАНИЕ 8
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ДО 12
ГЛАВА 1. ИНЕЙ НА СТЕКЛЕ 13
06:40. Отель «Цюрихберг», четвёртый этаж 13
09:30. Банхофштрассе, дом 14 15
10:15. Кабинет Хофмана 16
11:00. Коридор 18
ГЛАВА 2. ГРАФА 19
11:20. Кабинет Хофмана 19
13:00. Кафе на Уранштрассе 21
16:00. Прогулка по реке 22
ГЛАВА 3. ЧЕТЫРЕСТА ФРАНКОВ 23
Апрель 1992. Женева, нотариат на рю дю Рон 23
22 апреля 1992. Отель «Руже де Кле», 17:14 25
Возвращение 27
ГЛАВА 4. СОЛОВЬЁВ 28
13 августа. Цюрих — Тюмень, 14:10 по местному 28
20:30. Отель, номер 412 30
ГЛАВА 5. 14 АВГУСТА 31
08:50. Ресепшн 31

11:07. Банк Хофмана 32
16:00. Кабинет Хофмана 33
ГЛАВА 6. ТРИ ПУТИ 34
15 августа, 09:00. Бюро адвоката Дриссена, Шпигельгассе 34
14:30. Набережная Лиммата 36
19:00. Отель 37
ГЛАВА 7. ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ 38
16 августа, 07:00. Отель, номер 412 38
12:00. Переговорный пункт, Цюрих-Центр 39
21:00. Окно номера 412 40
ГЛАВА 8. РЕЕСТР УМЕРШИХ 41
16 августа, 10:00. Архив кантона Цюрих, Фраумюнстер 41
19:00. Отель, номер 412 43
23:00. Последняя попытка 44
ГЛАВА 9. ПОНЕДЕЛЬНИК 45
08:00. Банк Хофмана 45
15:00. Шпигельгассе 47
22:00. Отель 48
ГЛАВА 10. СОРОК МИНУТ 49
11:02. Кабинет Хофмана 49
11:20. Диалог 50
11:41. Перевод 51
11:42. Тишина 52
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ОШИБКА 53

ГЛАВА 11. ТРИНАДЦАТЬ ДВАДЦАТЬ 54
13:20 54
Пятнадцать десять 56
Ночь 58
ГЛАВА 12. ТРИ ПУТИ 60
Утро 60
Расчёт 62
Третий путь 64
ГЛАВА 13. НАСЛЕДСТВО, КОТОРОГО НИКТО НЕ ЗАЯВЛЯЛ 66
Бюро Келлера 66
Арифметика 68
Часы и проценты 70
ГЛАВА 14. ЖЕНЕВА 71
Поезд 71
«Валор» 74
Вечер у Хофмана 76
ГЛАВА 15. ВТОРОЙ ПУТЬ 78
Отель 78
Деньги на бумаге 80
Решение 82
ГЛАВА 16. ГОЛОС 84
Девятнадцатое число 84
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Сергей Тисон
ЦЮРИХ, 1998. ЦЕНА ОДНОЙ ОШИБКИ

ЦЮРИХ, 1998. ЦЕНА ОДНОЙ ОШИБКИ

Роман

СЕРГЕЙ ТИСОН

Серия «Артём Быстров». Книга вторая

Продолжение романов «Тюмень, 1986. Архитектор схем» и «Офшорный блюз»

АННОТАЦИЯ

Цюрих, август 1998 года. За шесть лет до этого при заполнении декларации оборвалась телефонная линия — и одно слово, «для», не прозвучало. Теперь одиннадцать миллионов двести сорок тысяч долларов — деньги трёх тысяч семисот тюменских семей — по бумаге принадлежат человеку, который по бумаге умер в 1945-м. 14 августа приходит извещение о смерти Савельевича — вторая его смерть в документе. Счёт заморожен. У Артёма Быстрова сорок минут, один телефон и одна фраза — «Я держу их для тех, кто верил». Цена одной ошибки начиналась в 11:43 — и будет платиться четыре года. Вторая книга серии «Артём Быстров».

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ДО
ГЛАВА 1. ИНЕЙ НА СТЕКЛЕ
ГЛАВА 2. ГРАФА
ГЛАВА 3. ЧЕТЫРЕСТА ФРАНКОВ
ГЛАВА 4. СОЛОВЬЁВ
ГЛАВА 5. 14 АВГУСТА
ГЛАВА 6. ТРИ ПУТИ
ГЛАВА 7. ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
ГЛАВА 8. РЕЕСТР УМЕРШИХ
ГЛАВА 9. ПОНЕДЕЛЬНИК
ГЛАВА 10. СОРОК МИНУТ
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ОШИБКА
ГЛАВА 11. ТРИНАДЦАТЬ ДВАДЦАТЬ
ГЛАВА 12. ТРИ ПУТИ
ГЛАВА 13. НАСЛЕДСТВО, КОТОРОГО НИКТО НЕ ЗАЯВЛЯЛ
ГЛАВА 14. ЖЕНЕВА
ГЛАВА 15. ВТОРОЙ ПУТЬ
ГЛАВА 16. ГОЛОС
ГЛАВА 17. НАСТОЯЩАЯ ОШИБКА
ГЛАВА 18. ДЕКЛАРАЦИЯ
ГЛАВА 19. ОДИННАДЦАТЬ СОРОК ОДИН
ГЛАВА 20. ЦЕНА

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. ПРОТОКОЛ ПОГРЕШНОСТИ
ГЛАВА 21. АНОНИМНЫЙ ПОДАТЕЛЬ
ГЛАВА 22. ОКНО В РЕЕСТРЕ
ГЛАВА 23. ПРОТОКОЛ ПОГРЕШНОСТИ
ГЛАВА 24. ЛИМАССОЛ
ГЛАВА 25. ПАРОМ
ГЛАВА 26. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ УМИРАЕТ
ГЛАВА 27. СТАРАЯ СХЕМА
ГЛАВА 28. ЦЕНА ПОДСКАЗКИ
ГЛАВА 29. ЧЕЛОВЕК В СЕРОМ
ГЛАВА 30. ОШИБКА В ПОЛЬЗУ
РАЗДЕЛ ЧЕТВЁРТЫЙ. ВОЗВРАЩЕНИЕ
ГЛАВА 31. ГРАНИЦА
ГЛАВА 32. СОЛОВЬЁВ
ГЛАВА 33. ШЕСТЬ ПРОЦЕНТОВ
ГЛАВА 34. ТЮМЕНЬ. КАССА
ГЛАВА 35. ПЕРФОРАТОР
ГЛАВА 36. КВИТАНЦИИ
ГЛАВА 37. ДЕФОЛТ
ГЛАВА 38. ЧЕРТЁЖ СОРОК ПЯТОГО ГОДА
ГЛАВА 39. УХОД УЧИТЕЛЯ
ГЛАВА 40. НОЛЬ
РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ. КНИГА СЧЁТОВ
ГЛАВА 41. ДЕВЯТЬ ЛЕТ ТИШИНЫ
ГЛАВА 42. КНИГА СЧЁТОВ
ГЛАВА 43. ПУСТАЯ ГРАФА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 44. ЖЕНЕВА, 2005
ГЛАВА 45. СЕЙФ
ГЛАВА 46. ТЮМЕНЬ, 2008
ГЛАВА 47. СТРОКА ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ
ГЛАВА 48. ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ АВГУСТА — ДРУГАЯ СТОРОНА
ГЛАВА 49. СОРОК МИНУТ
ГЛАВА 50. КНИГА ПЕРВАЯ ЗАКРЫТА
РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ. ЧИТАТЕЛЬ
ГЛАВА 51. РЕВИЗИЯ
ГЛАВА 52. КРАМЕР
ГЛАВА 53. ТЕТРАДЬ
ГЛАВА 54. АННА БРЕНТНЕР
ГЛАВА 55. СПАСИБО
РАЗДЕЛ СЕДЬМОЙ. НАСЛЕДСТВО
ГЛАВА 56. КОНВЕРТЫ
ГЛАВА 57. СОЛОВЬЁВ
ГЛАВА 58. ПОЧЕРК
ГЛАВА 59. ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР
ГЛАВА 60. ОТКРЫТКА
РАЗДЕЛ ВОСЬМОЙ. ФЕВРАЛЬ
ГЛАВА 61. ВТОРОЕ ПИСЬМО
ГЛАВА 62. ВОСЕМЬ
ГЛАВА 63. ПЕРВЫЙ КОНВЕРТ
ГЛАВА 64. ВТОРОЙ КОНВЕРТ
ГЛАВА 65. ТРЕТИЙ КОНВЕРТ

ГЛАВА 66. ПРЕДЛОЖЕНИЕ
ГЛАВА 67. ОТКАЗ
ГЛАВА 68. ПИСЬМО
ГЛАВА 69. ТЕТРАДЬ УХОДИТ
ГЛАВА 70. ФЕВРАЛЬ
КОНЕЦ РОМАНА
ПОСЛЕСЛОВИЕ О СЕРИИ
БЛАГОДАРНОСТЬ АВТОРА
ОБ АВТОРЕ
ПРИЛОЖЕНИЕ А. ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. ПЯТЬДЕСЯТ СТРОК ТЕТРАДИ
ПРИЛОЖЕНИЕ В. СЛОВАРЬ ШКОЛЫ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.
ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ДО

(главы 1–10; роман «Цюрих, 1998. Цена одной ошибки»)

ГЛАВА 1. ИНЕЙ НА СТЕКЛЕ

06:40. Отель «Цюрихберг», четвёртый этаж

В 6:40 по цюрихскому времени Артём Быстров проснулся от холода. Кондиционер работал всю ночь, и стекло изнутри покрылось узором, похожим на иней: линия от угла к углу, с ответвлениями. Артём смотрел на этот узор, пока не вспомнил, где находится, — и не понял, что вспомнил не место, а время.

Шесть лет назад, в 6:41 утра, в Тюмени, он впервые сознательно соврал цифре. С тех пор он просыпался в 6:40 — за минуту до того, как начал врать. Это была не привычка. Это была страховка: одна минута, в течение которой он ещё мог не соврать.

Он встал, подошёл к окну. Внизу была Банхофштрассе — пустая, вымытая до блеска, как стол перед проверкой. Цюрих в августе похож на банк перед закрытием операционного дня: всё чисто, всё на месте, всё готово к тому, чтобы никто ничего не заметил.

В кармане пиджака лежал листок с номером счёта: 22-41. Цифры, которые он не писал шесть лет и которые помнил

наизусть с первой минуты.

Он приехал закрывать счёт.

09:30. Банхофштрассе, дом 14

Банк Хофмана занимал старый дом с вытертыми ступенями и латунной табличкой, которую полировали, но не меняли с довоенных лет. Внутри пахло бумагой, воском и тем особым холодом, который издают сейфы, даже когда они закрыты.

Фрау Келлер стояла за стойкой. Она была немолода — седая, в серой кофте, с очками на цепочке. Она посмотрела на Артёма и не открыла журнал клиентов, чтобы найти его имя.

— Герр Быстров, — сказала она. — Вы вернулись.

— Я приехал закрывать счёт, — сказал Артём.

— Понимаю, — сказала фрау Келлер. — Обычно к закрытию приходят те, кто уже всё понял. Вы к ним относитесь?

— Не знаю.

— Тогда вам к герру Хофману, — сказала она и сняла трубку. — Он ждёт вас с апреля. С того апреля, в котором вы были здесь последний раз.

10:15. Кабинет Хофмана

Хофман был высок, сух и старел так, как стареют здания: не рушась, а просто теряя блеск. Он указал на кресло, сел сам и положил перед Артёмом выписку — одну страницу, напечатанную на машинке с редким зазором между строк.

— Счёт 22-41, — сказал он. — Остаток на сегодня: одиннадцать миллионов двести сорок тысяч долларов США. Начисленные проценты за шесть лет — учтены. Движений по счёту с мая 1992 года не было, кроме процентных операций и одной комиссии за хранение, которую вы оплачивали переводом через Цюрихский коммерческий банк. Всё.

— Всё, — повторил Артём.

— Не всё, — сказал Хофман. — Есть строка, которую вы должны увидеть до того, как подпишете закрытие.

Он перевернул страницу. Внизу, в графе «право распоряжения», стояло: «Савельевич И. И. — сто процентов».

Артём читал эту строку три раза. Цифры сходились. Сумма сходилась. Фамилия сходилась. Не сходилось только одно — всё остальное.

— Эта графа была заполнена в апреле 1992 года, — сказал Хофман. — Не мной. Документ лежит в сейфе. Вы имеете право на его копию как лицо, открывшее счёт.

— Копию, — сказал Артём.

Хофман снял трубку и сказал одно слово. Через семь ми-

нут фрау Келлер принесла папку. Артём открыл её и увидел декларацию, которую подписывал шесть лет назад.

Цифры должны сходиться. Они сходились.

Проблема была в том, что они сходились не там, где он хотел.

11:00. Коридор

Выйдя из кабинета, Артём остановился у окна. Внизу шёл человек в сером костюме — неторопливый, ровный, без единого лишнего движения. Артём не знал его имени. Он вообще ничего не знал о людях, которые ходят по Банхофштрассе с такой походкой. Он узнает через неделю — и пожалеет, что узнал.

Пока он просто смотрел, как человек в сером пересекает площадь и исчезает в арке.

Человек в сером не обернулся. Но Артём на секунду почувствовал — так чувствуют взгляд, не поворачивая головы, — что за ним следили.

Он сжал это чувство и положил его в графу «прочее». Там уже лежало много чего.

ГЛАВА 2. ГРАФА

11:20. Кабинет Хофмана

— Объясните мне регламент, — сказал Артём. — Как графа могла заполниться без меня?

— Никак, — ответил Хофман. — Графа заполняется тем, кто её заполняет. В вашем случае — по телефонной диктовке. Клиент назвал реквизиты, клерк записал, клиент подтвердил устно, клерк внёс. Регламент позволяет это, если счёт открыт лично, а изменения касаются права распоряжения.

— А кто диктовал?

— Вы, — сказал Хофман. — Голос распознаётся. В протоколе: «по телефону от клиента». Дата — двадцать второе апреля 1992 года, время — 17:14 по местному.

Артём помнил тот день. Он помнил его лучше, чем собственную свадьбу, которой у него не было. Он диктовал из отеля, через международную линию, стоя у окна, с блокнотом в руке. И он диктовал одну графу так: «Право распоряжения — для тех, кто верил». Три слова — «для тех, кто» — отделяли доверие от власти.

Он вспомнил, как клерк на том конце переспросил: «Распоряжение — Савельевич?» И как он ответил: «Да, но для...»

И как линия захрипела.

— Линия захрипела, — сказал Хофман, когда Артём произнёс это вслух. — В протоколе это записано. «Связь прервана на слове „для". Клиент перезвонил и подтвердил реквизит». Подтвердил. Слово «для» после этого не звучало.

13:00. Кафе на Уранштрассе

Артём сидел у окна кафе с чашкой кофе, которую не пил, и считал.

Не деньги — франки. Четыреста франков. В апреле 1992 года нотариус просил четыреста франков за заверение копий и присяжный перевод. Савельевич сказал: «Доверие не нуждается в присяжном переводе. Платить четыреста франков за то, чтобы бумага сказала за нас то, что мы можем сказать сами, — это плата за трусость». И Артём согласился. Он тогда согласился на всё, что говорил учитель.

Четыреста франков. За шесть лет — с процентами по любой разумной ставке — около тысячи. Теперь эта тысяча стоила одиннадцати миллионов двести сорок тысяч долларов и трёх тысяч семисот тюменских семей.

Он достал тетрадь «Память» — школьную, в клеточку, с потёртой обложкой — и вписал строку:

«Цена ошибки: четыреста франков, оплаченные через шесть лет. Дата оплаты: август 1998. Платит не тот, кто ошибся. Платит тот, кто верил».

Он не знал тогда, что вписал не строку — подпись.

16:00. Прогулка по реке

Вечером он шёл вдоль Лиммата и пытался понять, когда именно графу заполнили не так. Ответ был прост и от этого страшен: она была заполнена правильно — по регламенту. Всё было правильно. Регламент, протокол, подтверждение по телефону, подпись клерка. Вся машина сработала чисто.

Сломалась она только в одном месте — в том, где кончается регламент и начинается человек.

Слово «для» не было юридическим термином. Оно было смыслом. И смысл не вписывается в графу.

Артём остановился у моста. Вода под ним текла туда, куда текла, — без граф, без регламентов, без подписей. Ей не нужно было сходиться. Она просто текла.

— Цифры должны сходиться, — сказал он вслух.

И услышал за спиной шаги. Обернулся — никого. Только тень в арке, которая была там и до него.

ГЛАВА 3. ЧЕТЫРЕСТА ФРАНКОВ

Апрель 1992. Женева, нотариат на рю дю Рон

Шесть лет назад, в апреле 1992 года, Артём Быстров и Савельевич Иван Иванович сидели в приёмной нотариуса на рю дю Рон и ждали, когда их вызовут. Савельевич был в единственном своём костюме — тёмном, старом, идеально выглаженном. Артём — в том, который купил перед поездкой, и в котором чувствовал себя переодетым.

Нотариус вышел сам. Он говорил по-русски — плохо, с акцентом, но по-русски, и от этого почему-то было стыдно.

— Заверение копий, присяжный перевод, — сказал нотариус. — Четыреста франков. Работа на два дня.

Савельевич молчал. Потом достал из внутреннего кармана часы, посмотрел на них — не на время, на часы — и произнёс:

— Слово, которое стоит четыреста франков, не стоит четыреста франков.

— Простите? — спросил нотариус.

— Доверие не нуждается в присяжном переводе, — сказал Савельевич. — Платить за то, чтобы бумага сказала за нас

то, что мы можем сказать сами, — это плата за трусость.

Он встал, кивнул Артёму, и они вышли. На улице Савельевич остановился у фонтана и сказал фразу, которую Артём потом вспомнит в каждой схеме, которую построит, и в каждой, которая рухнет:

— Запомни, Быстров: бумага не помнит того, чего в ней нет. Но человек, который вписывает, помнит всё. Бумага забывает. Мы — нет.

22 апреля 1992. Отель «Руже де Кле», 17:14

Диктовали по телефону. Артём стоял у окна, держал блокнот и повторял графу за графой. Линия была плохая: хрипы, паузы, чужое дыхание.

«Право распоряжения — для тех, кто верил».

На слове «для» линия оборвалась. Артём перезвонил. Клерк спросил: «Распоряжение — Савельевич?» И Артём — устав, боясь потерять связь, торопясь закрыть операционный день, — ответил:

— Да.

Он не договорил. Он подтвердил реквизит, не подтвердив смысл. Клерк внёс: «Савельевич И. И. — сто процентов». Артём подтвердил голосом. Всё.

Вечером Савельевич читал копию декларации, которую принесли курьером. Читал молча, мину пять. Потом положил лист на стол и сказал:

— Так запомни. Графа — не место для слова. Слово живёт не в графе. Слово живёт в человеке, который графу прочтёт. Пока этот человек не пришёл, у нас всё в порядке. Когда придёт — смотри, чтобы он читал не графу.

— А если придёт?

— Придёт, — сказал Савельевич. — К графам всегда приходит тот, кто умеет их читать.

Артём тогда не понял. Через шесть лет он понял всё.

Возвращение

Он вернулся в отель, достал тетрадь и вписал:

«1992. Диктовка оборвана на слове „для". Слово не восстановлено. Статус: жду».

Ниже, другим почерком — тем, которым Савельевич научился имитировать любой почерк, включая его собственный, — стояло:

«Я тоже жду. Учитель».

Эту вторую строку Артём увидел только сейчас, шесть лет спустя, потому что за шесть лет не открывал тетрадь на этом месте.

ГЛАВА 4. СОЛОВЬЁВ

13 августа. Цюрих — Тюмень, 14:10 по местному

Телефон на стойке отеля ловил международную линию с третьей попытки. Тюмень отвечала сразу — как всегда, будто Соловьёв держал трубку в руке круглые сутки.

— Соловьёв, — сказал голос. Сухой, без приветствия.

— Это Артём.

— Я знаю, что это ты. Ты звонишь по вторникам и четвергам в 17:10 по тюменскому. Сегодня четверг. Говори.

— Графа «право распоряжения» заполнена на Савельевича. Сто процентов. Без слова «для».

Тишина длилась четыре секунды. Артём научился считать чужие паузы по секундомеру — это часть его профессии. Четыре секунды у Соловьёва означали не раздумье. Означали оценку.

— Значит, слово не прозвучало, — сказал Соловьёв. — А я думал, оно просто молчит.

— Что делать?

— Ничего. Пока ничего. Декларацию доверительного собственника не подписывай. Пока ты не подписал — ты никто.

А никто не платит.

— Я уже никто и так.

— Нет, — сказал Соловьёв. — Ты пока тот, кто знает. Это хуже, чем никто. Знание — это долг. Долг надо или погасить, или переписать на другого. Подумай, на кого перепишешь.

— Соловьёв, — сказал Артём. — Шесть процентов, которые ты просил за вход в схему. Это была плата?

— Это была подпись, — ответил Соловьёв. — Человек, который берёт шесть процентов, берёт ответственность. Человек, который берёт ноль, берёт ничто. Ты взял ноль — и теперь на тебе лежит всё. В этом вся ирония школы.

— Какой школы?

— Той, из которой ты вышел, не зная, что в ней учился, — сказал Соловьёв и положил трубку.

20:30. Отель, номер 412

Артём сидел над тетрадью. Схема была простая и оттого страшная: счёт заморожен нельзя — счёт можно заморозить в любой момент, по любому основанию; право распоряжения — у мёртвого человека; доказать, что он жив, — значит раскрыть, что он умер дважды; признать деньги наследством — значит подарить им три года судов и половину суммы на проценты; признать владельцем себя — значит стать человеком, который присвоил деньги трёх тысяч семьюстах семей.

Он вписал в тетрадь три колонки: «наследство», «владелец», «жив».

Напротив «наследства» поставил знак вопроса. Напротив «владельца» — перечёркнутый крест. Напротив «жив» — он ничего не поставил. И понял, что пустая клетка — это тоже ответ.

За окном шел дождь. В Цюрихе дождь идёт по расписанию, как всё в этом городе.

ГЛАВА 5. 14 АВГУСТА

08:50. Ресепшн

Конверт лежал на стойке ресепшн, когда Артём спустился. Конверт был серый, без марки, без обратного адреса, с одной строчкой внутри:

«Савельевич Иван Иванович, 1918 года рождения, умер 10 августа 1998 года в кантоне Цюрих. Свидетельство о смерти прилагается».

Прилагалась копия. Артём читал её стоя, не снимая пиджака.

Дата смерти — десятое августа. То есть четыре дня назад. То есть в день его приезда.

— Откуда конверт? — спросил он у портье.

— Курьер. Мужчина в сером, — сказал портье. — Оставил в 8:15. Сказал: «Отдать под роспись».

Человек в сером костюме. Тот самый, из арки.

11:07. Банк Хофмана

— Счёт 22-41 переведён в статус наследственного имущества, — сказала фрау Келлер. — Основание: свидетельство о смерти плательщика, нотариально удостоверенное, кантон Цюрих.

— Наследников нет, — сказал Хофман.

— Наследников нет, — согласилась фрау Келлер. — В реестре не значится.

— А в реестре значится что?

Хофман молчал. Потом сказал — тихо, как говорят о погоде:

— В реестре значится запись 1945 года. Ленинград. Савельевич Иван Иванович, погиб при исполнении.

Артём сидел не двигаясь. Первая смерть учителя состоялась за пятьдесят три года до этой. Бумага умирала быстрее человека.

— Значит, — сказал он наконец, — по документам он умер дважды.

— По документам он умер дважды, — согласился Хофман. — И оба раза — без нас.

16:00. Кабинет Хофмана

— Объясните мне три пути, — попросил Артём.

— Первый, — сказал Хофман. — Признать деньги наследством. Суд кантона, три года минимум, проценты съедят половину. И наследники должны явиться лично. Ваши тюменские семьи не явятся.

— Второй.

— Признать себя владельцем. Декларация доверительного собственника, подписанная вами. С момента подписи вы владеете деньгами. Моральный пункт — на вас.

— Третий.

— Доказать, что плательщик жив. — Хофман замолчал. — Это самый короткий и самый дорогой путь. Он стоит одной фразы в реестре — и одной правды, которую вы не готовы сказать.

— Какой правды?

— Что человек умер в 1945-м и не умер. Это не юридический вопрос, герр Быстров. Это вопрос к вашей памяти.

Артём вышел из банка в 17:30. В небе над Банхофштрассе стояла чистая синева. Он думал: смерть, зарегистрированная в 1945 году, догнала деньги за день. Это был рекорд скорости для бумажного человека.

Он не знал, что это был не рекорд. Это была репетиция.

ГЛАВА 6. ТРИ ПУТИ

15 августа, 09:00. Бюро адвоката Дриссена, Шпигельгассе

Адвокат Дриссен был стар, как его библиография. Он выслушал Артёма не перебивая — двадцать минут, — потом снял очки, протёр их и сказал:

— Ситуация, которую вы описали, известна мне второй раз в жизни. Первый раз — в 1954 году. Там тоже умер человек, который не умирал.

— Чем это кончилось?

— Ничем, — сказал Дриссен. — Дела, которые кончаются ничем, — самые дорогие. Я объясню вам три пути, и вы выберете один. Выбор — это не право. Это обязанность.

Первый путь — наследство. Суд кантона, экспертиза родства, апелляции. Три года, если повезёт. Пять — если нет. Проценты по счетам заморозки съедят от трети до половины. И главное: наследники должны явиться лично. Три тысячи семьсот тюменских семей не явятся. Суд признает имущество выморочным — и уйдёт в казну кантона.

Второй путь — декларация доверительного собственника. Вы подписываете — и с момента подписи вы владеете

деньгами. Юридически — безупречно. Морально — вы стали человеком, который держит чужие деньги и отвечает за них своим именем.

Третий путь — доказать, что плательщик жив. Дриссен произнёс это медленно и добавил:

— Для этого нужно, чтобы человек подтвердил свою жизнь. Голосом, лицом, документом. Но тогда раскроется запись 1945 года. И человек, который не умирал, умрёт в третий раз — уже по-настоящему. Вы понимаете, что это значит?

— Понимаю, — сказал Артём.

— Не понимаете, — сказал Дриссен. — Но узнаете. Дела всегда объясняют себя позже. Идите.

14:30. Набережная Лиммата

Артём сидел на скамье у воды и делал то, что умел лучше всего в мире: считал.

Не франки — имена. Три тысячи семьсот семей. Он не знал их фамилий, лиц, адресов. Он знал одну цифру — 3700 — и понимал, что за ней стоят люди, которые в 1992 году отдали свои накопления не банку и не государству, а человеку, которому верили.

Он достал тетрадь и вписал:

«Три пути. Первый стоит годы. Второй стоит имени. Третий стоит правды. Всё остальное стоит того же — только платить будешь не ты».

Ниже он добавил строку, которую потом будет читать много раз:

«Ошибка, сделанная в 1992-м, считается в людях. Люди не меняют курса».

19:00. Отель

Он не подписал декларацию. Он лёг спать с решением «ждать» и проснулся в 6:40 — за минуту до того, как начал врать.

В тот день он не соврал. Ещё не соврал.

ГЛАВА 7. ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

16 августа, 07:00. Отель, номер 412

Тетрадь «Память» лежала на столе раскрытой — на двадцатой главе. Савельевич нумеровал главы не постранично, а по смыслу: двадцатая глава была про доверие.

«Я не считаю деньги. Я считаю доверие. Деньги — это то, что считают все. Доверие — то, что не считает никто, кроме тех, кто его потерял».

Ниже, другой рукой — мелкой, придирчивой, с нажимом на первых буквах — была вписана запись, сделанная после перевода 1992 года:

«Артём. Графа — не подпись. Подпись — это человек. Когда-нибудь придёт тот, кто прочтёт графу и спросит: „А где слово?" Ты должен будешь ответить. Ответ будет стоить дороже, чем графы. Считай заранее».

Артём перечитал запись три раза. Он не знал, когда учитель её вписал — в 1992-м, в поезде, в другую эпоху. Он знал только, что учитель умел писать вперёд.

12:00. Переговорный пункт, Цюрих-Центр

Он позвонил в Тюмень. Тишина. Перезвонил. Занято. Перезвонил через час — тишина.

Швейцарская линия держала связь, как держат дверь с доводчиком: медленно, надёжно, до конца. Тюменская — молчала.

— Где вы, учитель? — сказал он вслух в пустую трубку. — Вы же не умираете. Вы никогда не умираете.

21:00. Окно номера 412

Ночью он снова увидел узор на стекле: линия от угла к углу, с ответвлением. Кондиционер работал на всю ночь — узор был тот же, что и утром десятого.

Маршрут. Ответвление. Основной поток — из 1986-го в 1998-й, из Тюмени в Цюрих, из графы в графу. Ответвление — он сам. Через него не видно основного потока. Основной поток проходит мимо.

Он достал тетрадь и вписал:

«Иней на стекле — это маршрут. Схема — это тоже маршрут, только с ответвлениями, через которые не видно, куда идёт основной поток. Ответвление — это место, где живёт я».

ГЛАВА 8. РЕЕСТР УМЕРШИХ

16 августа, 10:00. Архив кантона Цюрих, Фраумюнстер

Архив занимал бывшую школу: длинные коридоры, столы с зелёным сукном, окна высоко под потолком. Артём подал запрос на две записи: 1945 год, Ленинград, и 1998 год, Цюрих. Клерк — женщина лет пятидесяти, в очках на цепочке — вернулась через двадцать минут с двумя выписками.

— Вот, — сказала она. — Обе записи. Одно имя. Смотрите.

Первая выписка: Савельевич Иван Иванович, 1918 года рождения, место службы — тыловой батальон, запись о смерти — ноябрь 1945 года, Ленинград. Причина: ранение, инфекция. Свидетель — писарь батальона.

Вторая: Савельевич Иван Иванович, 1918 года рождения, умер 10 августа 1998 года, кантон Цюрих. Причина: сердечная недостаточность. Заявитель — не указан.

— Одна фамилия, — сказала клерк. — Две записи. В нашей практике это значит одно из двух: либо совпадение, либо вторая жизнь. Совпадения случаются. Вторые жизни — нет.

— А если запись 1945 года — ошибка?

— Ошибок в реестре не бывает, — сказала клерк. — Бывают люди, у которых было две жизни. Это не ошибка реестра. Это ошибка человека, который записался дважды.

19:00. Отель, номер 412

Он разложил выписки на столе рядом с декларацией 1992 года. Три документа. Три эпохи. Одна фамилия.

Бумага не умирает дважды — он вписал в тетрадь. Бумага умирает столько раз, сколько ей вписали.

Он посмотрел на пустую клетку напротив слова «жив» в своей таблице. Она по-прежнему была пустой.

Пустая графа — это не незаполненность. Пустая графа — это обещание. Он не знал этого ещё. Он узнает через десять лет — и тогда поймёт, что обещание это дал он сам.

23:00. Последняя попытка

Перед сном он позвонил в Тюмень. Тринадцатая попытка. Гудки. Потом — тишина. Потом — дыхание.

— Иней? — спросил он.

Молчание. Три секунды. Гудки.

Он положил трубку и понял: кто-то на том конце слушает. И что этот кто-то знает слово.

ГЛАВА 9. ПОНЕДЕЛЬНИК

08:00. Банк Хофмана

— Корсеть закрывается завтра в 12:00, — сказал Хофман. — После этого перевод уйдёт в банк-получатель по распорядителю — Савельевичу Ивану Ивановичу. Но распорядитель мёртв. Система не переводит мёртвому. Перевод зависнет в статусе «ожидает распоряжения» — навсегда.

— Навсегда?

— До тех пор, пока не появится живой распорядитель, — сказал Хофман. — Или декларация доверительного собственника. Подписанная до 12:00.

— А если подписать после?

— Тогда перевод уйдёт по старой графе. И всё, что вы сделаете, будет уже не спасением, а похоронами, — сказал Хофман. — Я говорю это не как совет. Я говорю как человек, который видел, как графы убивают людей.

Фрау Келлер стояла у окна и молчала. Потом она произнесла — тихо, будто сама себе:

— Я веду протоколы сорок лет. И один раз за сорок лет я вписала в протокол не реквизит. Одно слово. Вы его узнаете, когда услышите.

— Какое?

— Не скажу, — сказала она. — Скажу, когда увижу его в вашем протоколе.

15:00. Шпигельгассе

Дриссен принял его без секретаря.

— Вы не подписали декларацию, — сказал он. — Умно. Теперь подпишете — и это будет уже не выбор, а цена.

— В чём разница?

— Выбор — это когда можно было не выбирать. Цена — это когда уже нельзя, — сказал Дриссен. — Подпишете завтра до 11:41 — и деньги уйдут. Не подпишете — уйдут в казну. Третьего нет.

— А если плательщик жив?

— Тогда вам не нужен ни я, ни декларация, — сказал Дриссен. — Вам нужен телефон.

22:00. Отель

Артём положил на тумбочку будильник и тетрадь. Будильник — на 11:02. Тетрадь — открытую на двадцатой главе.

Он знал: завтра с 11:02 у него сорок минут. Не больше. За эти сорок минут он должен дозвониться, услышать, поверить и произнести.

Сорок минут — это срок для одной фразы, которая будет стоить четыре года.

ГЛАВА 10. СОРОК МИНУТ

11:02. Кабинет Хофмана

Телефон в кабинете Хофмана был старый — с диском, с тяжёлой трубкой, с проводом, который было видно под столом. Артём набрал Тюмень с первой попытки.

Гудки. Три. Пять. Сбор. И — голос.

— Слушаю, — сказал голос.

— Иней, — сказал Артём.

Молчание. Потом:

— Я помню это слово. Оно стояло на стекле в 6:41 утра в 1986 году. Кто это?

— Артём.

— Знаю, — сказал голос. — Счёт заморожен?

— Заморожен. Основание — свидетельство о смерти. Дата смерти — десятое августа. Четыре дня назад.

— Знаю, — повторил голос. — Я знаю эту дату лучше, чем вы.

11:20. Диалог

— Что делать? — спросил Артём.

— Скажите им фразу, — сказал голос. — Целиком. От первого лица. Это единственное, что снимет заморозку сегодня.

— Чья это фраза?

— Ваша, — сказал голос. — С этой минуты. Все, что произнесено от первого лица, становится документом. Документ не имеет автора. Документ имеет владельца. Владелец — тот, кто произнёс.

— Учитель...

— Учитель молчит, — сказал голос. — Скажите фразу. Сорок минут кончаются в 11:41.

— Почему сорок минут?

— Потому что сорок минут — это минимальный срок, за который человек успевает передумать, — сказал голос. — А передумывать вам нельзя.

11:41. Перевод

Артём опустил трубку на рычаг и повернулся к Хофману.

— Я держу их для тех, кто верил, — сказал он.

Хофман посмотрел на него — долго, как смотрят на человека, который произнёс не фразу, а подпись. Потом поднял трубку внутренней связи и продиктовал шесть цифр, сумму и одну фразу — дословно.

В 11:41:07 перевод ушёл.

Фрау Келлер закрыла глаза и что-то шептала — губы двигались, но не было слышно, что именно. Потом открыла глаза, посмотрела на Артёма и сказала:

— Вы это произнесли. Теперь у вас это будет всегда.

— Что — всегда?

— Слово, — сказала она. — Оно теперь в вашем протоколе. Протоколы не стираются. Протоколы только читают.

11:42. Тишина

В 11:42 Артём сидел в пустом коридоре банка. В 11:43 он смотрел на своё имя в копии декларации — имя, которое теперь стояло напротив одиннадцати миллионов двести сорок тысяч долларов и трёх тысяч семьюстах семей.

Сорок минут кончились в 11:42.

Цена одной ошибки начиналась в 11:43 — и будет платиться четыре года.

КОНЕЦ ПЕРВОГО РАЗДЕЛА

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ОШИБКА

(главы 11–20; роман «Цюрих, 1998. Цена одной ошибки»)

ГЛАВА 11. ТРИНАДЦАТЬ ДВАДЦАТЬ

13:20

Факс пришёл в 13:20 по цюрихскому времени.

Артём сидел в номере отеля на Платтенштрассе и собирал папку: копии платёжек, выписку, распечатку подтверждения. Папка была собрана за час до одиннадцати сорока одного и больше не нужна — деньги ушли. Он собирал её по привычке, от которой ещё не отказался: всё, что сделано, должно лежать в файле с ярлыком. Савельевич говорил: бумага, которая не легла в папку, не делалась.

Аппарат зажужжал. Артём взял лист, не глядя — левой рукой, продолжая правой выравнивать скрепку.

Потом перестал выравнивать скрепку.

Текст был коротким, и короткость делала его страшным. Банк-получатель уведомляет о приостановке входящего перевода от 17 августа на сумму одиннадцать миллионов двести сорок тысяч долларов США. Основание: запрос наследственного статуса плательщика. Средства на счёте получателя не затронуты. Перевод не отклонён. Перевод приостановлен.

Артём перечитал его трижды. В первый раз он читал слова. Во второй — искал, что можно прочитать иначе. В третий — понял, что читать больше нечего.

«Перевод не отклонён» — это было хорошо. Это означало, что деньги никуда не пропали, они висели между двумя банками, как груз между двумя крюками.

«Запрос наследственного статуса плательщика» — это было всё остальное.

Он посмотрел на часы. Тринадцать двадцать четыре. До одиннадцати сорока одного прошло два часа сорок три минуты. Он считал так, как учил Савельевич: от события — на минуты. Потом вперёд — на дни. Савельевич говорил: счёт начинается с того момента, когда ты ещё ничего не знаешь, а заканчивается тогда, когда узнают все.

Артём сел на край кровати. Папка с копиями лежала на столе — собранная, аккуратная, ненужная.

Он думал об одном: кто-то знал о смерти Савельевича раньше, чем Артём. Не по бумагам — по бумагам Савельевич умер в сорок пятом, и бумаге было пятьдесят три года. Кто-то подал запрос — свежий, юридический, действенный — о человеке, который не умирал со времён войны.

Это невозможно. Так он сказал бы себе год назад.

Но он стоял в кабинете, где иней на стекле был похож на маршрут, и видел, как невозможное делают руками. Невозможное не исчезает, если его нельзя объяснить. Невозможное просто получает исполнителя.

Пятнадцать десять

В 15:10 Артём звонил в банк-получатель. Женский голос, вежливый, идеально выученный: чем могу помочь.

— Перевод на одиннадцать миллионов двести сорок, — сказал Артём. — Приостановлен в тринадцать двадцать. Кто дал основание?

— Один момент. — Пауза, которую она делала не для него, а для записи. — Перевод находится в статусе ожидания. Основание: запрос наследственного статуса плательщика по счёту отправителя.

— Кто подал запрос?

— Запрос подан в установленном порядке. Данные заявителя не раскрываются.

— Могу ли я узнать дату регистрации запроса?

— Запрос зарегистрирован 17 августа.

— До или после одиннадцати сорока одного?

Пауза была длиннее предыдущей. Потом голос сказал так ровно, как читают со строки: «Я не уполномочена отвечать на этот вопрос».

— Хорошо, — сказал Артём. — Последний вопрос. Срок рассмотрения.

— Согласно регламенту — до десяти рабочих дней. При наличии полного пакета документов.

— Каких документов?

— Документов, подтверждающих наследственный статус плательщика, — сказала она. — Либо документов, подтверждающих его отсутствие.

— Подтверждающих отсутствие, — повторил Артём.

— Да. Справку о том, что лицо не является умершим.

Он положил трубку раньше, чем закончил этот жест, — то есть положил её, ещё держа. Так бывает: рука отпускает то, что голова ещё держит.

Справка о том, что лицо не является умершим. В цюрихском банке такая формула существовала, потому что без неё никто не смог бы двигать деньги: любой наследственный спор замораживал счёт до суда. Банку было всё равно, кто плательщик — живой, мёртвый или город-герой Тула. Банку нужно было, чтобы за смертью стояла подпись и чтобы по этой подписи не пришёл третий, кто скажет: а это не его смерть.

Савельевич умер в бумаге. Чтобы его оживить, нужна была справка о том, что он жив. Чтобы его похоронить окончательно, нужна была справка о том, что он умер — и что умер он не в сорок пятом.

Артём сидел и смотрел на лежащий перед ним лист с переводом. Одиннадцать миллионов двести сорок тысяч. Три тысячи семьсот вкладчиков. Слово «для», за которое в июле не заплатили четыреста франков нотариусу.

Он начал расчёт. Не эмоций — расчёт. Это была самая правильная мысль за день.

Ночь

Вечером он разложил на столе тетрадь — ту, другую, с надписью «Память», — и чистый лист. На чистом листе он записал то, что знал. Он делал это с двадцатитрёх лет: реальность — это то, что записано. Пока не записано — не существует.

Первое. Платёж приостановлен 17 августа в 13:20. Причина — запрос наследственного статуса.

Второе. Савельевич жив. Артём говорил с ним по телефону 18 августа в 23:40 тюменского времени — через два часа после факса, через сутки после одиннадцати сорока одного. Голос был ровный, дыхание спокойное. Человек не умер дважды.

Третье. По документам Савельевич умер в 1945 году — в списке потерь тылового батальона, куда он вписал себя сам, чтобы исчезнуть из одной жизни и войти в другую. Об этой записи знали двое: он и человек, который помогал её делать. Человек этот умер в шестьдесят девятом.

Четвёртое. Кто-то подал запрос 17 августа. Не после одиннадцати сорока одного — до. Иначе запрос не успел бы сработать в тот же день.

Пятое. До одиннадцати сорока одного о переводе знали: Артём, Хофман, операционистка банка Хофмана, Савельевич — потому что кодовое слово «Иней» было согласовано с

ним заранее, — и тот, кто дал Артёму полномочия подписи по счёту Хофмана. То есть — сам Хофман.

Артём дописал пятое и остановился.

Он смотрел на строку и понимал, что вписал в список расчёта имя человека, которому за шесть лет не дал повода не доверять. Хофман открыл счёт без вопросов, держал документы, не задавал глупых вопросов — а умный человек, который не задаёт умных вопросов, задаёт их себе сам.

Он не записал шестое. Шестого не было: пока не доказано — не существует. Но цифра в пустой графе списка уже стояла, и Артём знал, как она называется.

Он закрыл тетрадь и подумал: смерть Савельевича догнала деньги быстрее, чем деньги успели доехать. Значит, кто-то знал, что деньги поедут. Значит, кто-то знал дату.

Дата была назначена 17 августа, в 11:41, — Артёмом.

* * *

ГЛАВА 12. ТРИ ПУТИ

Утро

В 9:15 18 августа Артём сидел в кабинете Хофмана. Хофман сидел за столом, положив перед собой обе руки — ладонями вниз, как кладут их люди, которые любят держать всё под руками.

— Вы понимаете, что произошло? — спросил Хофман.

— Да.

— Объясните мне.

Артём объяснил. Он умел объяснять быстро: факс, приостановка, запрос наследственного статуса, банку нужен пакет документов — либо смерть с завещанием, либо справка о том, что смерть не наступала.

— И вы предлагаете мне второе, — сказал Хофман. Не спросил — предложил.

— Я не предлагаю ничего. Я говорю, что система запросила документ.

— Система, — повторил Хофман. — Хорошее слово. В системе, господин Быстров, есть люди, которые пишут запросы. Запрос подан вчера. До одиннадцати сорока одного. Вы понимаете, что это значит?

— Это значит, что о переводе знали заранее.

— Именно. Знает ваш партнёр в России? — Хофман всегда вставлял одно английское слово, когда хотел, чтобы фраза звучала деловито.

— Знает.

— И не предупредил.

— Не предупредил.

Хофман молчал. Потом открыл ящик, достал калькулятор и положил на стол рядом с рукой. Артём знал этот жест: калькулятор — это не расчёт. Это пауза, которая держится на предмете.

— У нас три пути, — сказал Артём. — Первый: признать деньги наследством. Второй: признать владельцем меня. Третий: доказать, что Савельевич жив.

— И четвёртый, — сказал Хофман, — снять деньги и уехать туда, где запросы не работают.

— Деньги не мои.

— Деньги никогда ничьи, — сказал Хофман. — Деньги принадлежат тому, кто их держит. Пока держит.

Артём смотрел на калькулятор. Он думал о трёх тысячах семи сотнях семей в Тюмени: о человеке, который отнёс в сберкассу зарплату за два месяца, и о женщине, которая вписала в ведомость цифру, помнившуюся с молодости. Он не видел их. Он видел только то, что видел всегда: строку в реестре. Но строка была не пустой — строка была подписанная.

— Первый путь, — сказал он.

Расчёт

Первый путь — наследство — Артём просчитал в тот же день и до вечера разложил на составляющие, как раскладывал схемы: кто, где, сколько, чем платит.

Признать деньги наследством можно было только через суд: наследственное дело открывается по последнему месту жительства умершего. Последнее место жительства Савельевича по бумаге — Ленинград, 1945 год. По факту — Тюмень, 1986—1998. Чтобы суд принял тюменскую регистрацию, нужно было раскрыть вторую смерть — то есть предъявить системе человека, который пятьдесят три года жил на чужой смерти и в чужом имени.

За раскрытие следовали вещи, которые нельзя было отменить: дело по подложным документам, срок, изъятие, вопросы к каждому счёту, который Савельевич открывал за жизнь. Восемь лет — от Тюмени до Цюриха.

Но суд — это не только риск. Это время. Дело шло бы от года до трёх. Три года — это проценты по замороженной сумме: банк-получатель не платил их вкладчикам получателя, банк отправителя не платил никому. Одиннадцать миллионов двести сорок тысяч, лежащие без движения три года, — это сумма, которая не вырастет ни на цент, пока три тысячи семьсот семей будут стареть.

Артём считал не деньги — годы. Ему было сорок два, и

он знал, что такое три года без письма: он не получал писем четыре года, с 1993-го, с тех пор, как понял, что за каждым письмом стоит кто-то, кто читал его раньше.

— Суд, — сказал Келлер, юрист с Гольдбаха, когда Артём пришёл к нему во второй половине дня. — Швейцарское наследственное право при чужом гражданстве работает, но не тогда, когда гражданин числится умершим с сорок пятого года. Вам нужен иск о признании лица живым. Это процедура. Она не быстрая и не дешёвая.

— Сколько?

— Начало — тридцать тысяч франков на подготовку. Дальше — по ходу дела. И одно условие, о котором я обязан сказать. — Келлер снял очки. — Истец по такому делу должен быть самим лицом. Лицо должно явиться.

Артём кивнул. Он понял сразу: чтобы Савельевич считался живым, Савельевич должен прийти в суд — в Цюрих, к швейцарскому нотариусу, к консульскому отделу, к любому окошку, где смотрят в лицо. Пятьдесят три года человек строил жизнь на том, что лицо, которое смотрят, — не его.

Суд работал. Суд не подходил.

Третий путь

Вечером Артём сидел в номере и записывал второй и третий путь.

Второй. Признать себя владельцем. Банк-получатель не спрашивал, чьи деньги: банк спрашивал, чьи деньги по документам. Если Артём подпишет декларацию, что распоряжается средствами как собственные, приостановку снимут за сутки. Одиннадцать миллионов двести сорок станут его. Три тысячи семьсот семей останутся там, где были, — на ведомости, которую они подписали не читая.

Он написал этот путь и зачеркнул. Зачёркнутая строка в тетради — это не отказ. Это запись того, что отказ был. Савельевич говорил: всё, что принято без записи, не принято.

Третий. Доказать, что Савельевич жив. Тогда запрос о наследственном статусе отпадает сам: нельзя наследовать живому. Но доказать — значит предъявить. Предъявить — значит вписать его в систему: в справку, в реестр, в базу, которая существует дольше, чем бумага. Артём всю жизнь строил схемы на том, что система видит не человека, а запись. Сделать запись живым — значило выпустить человека из-под бумаги в мир, где его ищут те, кто искал всегда.

Артём сидел над листом до одиннадцати.

Потом позвонил.

Он звонил не Хофману. Он звонил в Тюмень — на номер,

который не был вписан ни в один реестр, потому что реестр не знал, что телефон существует.

* * *

ГЛАВА 13. НАСЛЕДСТВО, КОТОРОГО НИКТО НЕ ЗАЯВЛЯЛ

Бюро Келлера

Келлер принял Артёма в 10:00 — в кабинете, где на стене висели не дипломы, а копии решений федерального суда. Он любил говорить: дипломы висят у тех, кто не выигрывал.

— Наследственное дело, — сказал Келлер и раскрыл папку. — Вопрос первый: кто заявитель.

— Заявителя нет.

— Тогда не дело, а переписка. — Келлер посмотрел на Артёма поверх папки. — Наследство не заявляют юристы. Его заявляют наследники. Кто наследники?

— Не знаю.

— Вы держите одиннадцать миллионов и не знаете, чьи они?

— Я держу не деньги. Я держу инструкцию.

— Инструкция, — повторил Келлер. Он был человеком одной породы с Савельевичем, но той, что смотрит с другой стороны: он не спрашивал «как это работает» — он спрашивал, «кто отвечает». — Дайте мне бумагу, по которой вы

держите деньги, и я скажу вам, кто наследники.

Артём достал копию доверительного распоряжения. Келлер читал долго. Потом отложил.

— Кто такой Савельич?

— Человек, который держит деньги для других.

— В чьём качестве?

— В качестве того, кто держит.

— Господин Быстров, — сказал Келлер, — вы не понимаете, в какой стране находитесь. Здесь не бывает «держит». Здесь бывает «является собственником» или «является доверительным собственником по письменному договору». У вас нет ни того ни другого. У вас есть фраза, сказанная по телефону в одиннадцать сорок один, — и банк, который её записал. Это всё.

Артём молчал. Келлер был прав, и то, что он был прав, означало одно: у системы не было способа понять, что Савельевич держит деньги не для себя. Система не понимала «для». Она понимала только «на».

Именно за это слово — «для» — в июле не заплатили четыреста франков.

Арифметика

Артём считал весь день — не эмоции, а числа.

Одиннадцать миллионов двести сорок тысяч долларов. Три тысячи семьсот семей. Средний вклад — около трёх тысяч долларов на семью. В 1998-м это была цена квартиры в Тюмени. Не в Москве — в Тюмени.

За три года разбирательства банк-получатель не выплатит ни процента. За три года доллар по отношению к рублю вырастет — по расчётам, которые Артём держал в тетради, — в два с половиной раза. Сумма на счёте вырастет в долларах на процент депозита — но не в той валюте, в которой живёт тот, кто ждёт.

Три тысячи семьсот семей за три года потеряют то, что не считает ни один банк: они потеряют то, на что рассчитывали. Не деньги — уверенность.

Он знал эту арифметику по-другому: по людям. Он помнил женщину из седьмого подъезда, которая вносила по сто рублей каждый месяц с 1990-го, потому что «внучке на пятно». Он не знал, жива ли она.

Келлер сказал вечером: — Если вы решите идти через наследство, готовьте тридцать тысяч на вход. И будьте готовы, что вход не откроется: для того чтобы наследственное дело началось, нужно имя наследника. Имя, которое появится в бумаге, станет публичным. Через прессу. Через любые кана-

лы.

— Кому нужно публичное имя? — спросил Артём.

— Тому, кто подал запрос, — сказал Келлер.

Артём записал это в тетрадь и подчеркнул.

Часы и проценты

Вечером он вписал в тетрадь строку: «Счёт на проценты открыт 17 августа в 13:20. Начисление — немедленно, в единицах не деньгах».

Он знал, как считают люди его профессии: не проценты начисляет банк. Проценты начисляет тот, кто знает дату. Тот, кто знал дату, начал считать 17 августа — может быть, раньше, может быть, в мае, когда дата была назначена.

Он посмотрел на тетрадь. Первая страница была исписана в 1986-м. Она хранила выписку из приказа о переводе кладовщика в Сургут — бумагу, которую Савельевич готовил раньше, чем отдел кадров. Бумагу, которая сделала окно в схеме.

Он перевернул страницу и дописал строку, которая не была расчётом:

«Кто-то готовил эту дату раньше, чем мы назначили её сами».

* * *

ГЛАВА 14. ЖЕНЕВА

Поезд

В Женеву Артём поехал утром 19 августа. Первый класс был пуст: середина августа, половина Цюриха на каникулах, вторая половина притворялась, что работает. Он сидел у окна и смотрел на озеро — вода лежала плоско, как лист бумаги, на котором ничего не написано.

Он ехал не к банку-получателю. К банку-получателю можно было позвонить. Он ехал к человеку, который знал о переводе до одиннадцати сорока одного, — к Хофману.

Хофман открыл офис в Женеве в 1994-м — отделение на один кабинет и одного клерка. Артём знал об этом отделении то, чего не знали налоговые органы: оно существовало для того, чтобы иметь второй юрисдикционный адрес, когда первый станет неудобным.

Теперь первый стал неудобным.

Хофман встретил его не в кабинете — в коридоре, у окна, с чашкой кофе. Он не предлагал сесть. Артём понял это раньше, чем осознал: разговор будет коротким.

— Вы собираетесь подавать декларацию, — сказал Хофман. Не спросил.

— Откуда?

— Келлер позвонил моему юристу в шесть вечера. Юрист позвонил мне в шесть двадцать. Вы собираетесь подписать декларацию доверительного собственника — на одиннадцать миллионов двести сорок тысяч долларов — и вписать в пустую графу фразу человека, который умер в сорок пятом году.

— Живого человека.

— Мёртвого по всем бумагам, существующим в этом городе. — Хофман отпил кофе. — Господин Быстров. Я не советую.

— Вы — банк. Вы не советуете. Вы считаете риски.

— Тогда я считаю риски. — Хофман поставил чашку на подоконник. — Декларация делает вас владельцем одиннадцати миллионов в глазах любого суда, который откроет дело. Она делает банк, который принял декларацию, соучастником схемы, в которой умерший человек четыре года владел деньгами в устной форме. Она даёт тому, кто подал запрос, ровно то, что он хотел: имя в бумаге. Имя, за которое можно прийти.

— Кому придти?

— Не знаю. — Хофман развёл руками. — Но тот, кто подал запрос 17 августа до одиннадцати сорока одного, знал дату перевода. Знать дату мог только тот, кто её назначил, — или тот, кому её сообщили. Вы назначили дату. Вы сообщили её: Хофману, Савельевичу, человеку, который даёт вам полномочия. Что-то из этого — дырка.

Артём стоял и смотрел на озеро за окном Хофмана.

— Вы подали запрос, — сказал он. Не спросил — сказал. Так, как в 1986-м Савельевич говорил про приказ: «Я готовлю выписку».

Хофман не изменился в лице. Он отпил кофе, посмотрел на чашку, поставил её обратно.

— Вы задаёте вопросы, на которые я не обязан отвечать, — сказал он.

— Это и есть ответ.

— Это не ответ. Это пауза. — Хофман открыл дверь в кабинет. — Идёмте. У меня есть бумаги, которые вам нужно увидеть до того, как вы подпишете что-либо в этой стране.

«Валор»

Банк-получатель назывался «Валор» — старое женевское учреждение с историей, которая начиналась в 1873-м и не заканчивалась, потому что банку не нужен конец: банку нужна непрерывность.

Артём подал заявление о встрече в 11:00. Встречу дали в 11:45 — в переговорной без окон, с круглым столом и тремя стульями. За столом сидел один человек — не директор, не юрист, человек, у которого не было должности на визитке. У него вообще не было визитки.

— Господин Быстров, — сказал он. — Мы понимаем вашу проблему.

— Тогда решите её.

— Мы не решаем проблемы. Мы выполняем регламент. Регламент требует наследственного статуса плательщика. Вы не можете его предоставить — это видно. — Человек открыл папку и вынул один лист. — Но есть второй путь. Вы можете отозвать перевод. Деньги вернутся в банк отправителя за тридцать шесть часов, без процентов и без штрафов. После этого вы можете перевести их снова — когда статус будет ясен.

— Статус не прояснится никогда.

— Тогда перевод не должен был уходить вчера.

Артём смотрел на лист, который человек держал перед со-

бой, не протягивая.

— Кто подал запрос? — спросил он.

— Вы задаёте этот вопрос каждому, — сказал человек. — Он не работает.

— Я задаю его не для ответа. Я задаю его, чтобы посмотреть на паузу.

Человек улыбнулся — впервые за разговор, тонко и без удовольствия.

— Тогда я отвечу так: запрос подан не нами и не банком отправителя. И не кем-то из ваших. — Он положил лист обратно в папку. — Отзывайте перевод, господин Быстров. Время работает не на вас.

В лифте Артём понял, что получил ответ. Не на вопрос — на расчёт. Человек сказал: «не кто-то из ваших». Значит, «кто-то из ваших» существовал как категория. Значит, запрос подал свой. Свой — это не Хофман и не Савельевич. Свой — это тот, кто знал дату изнутри системы и не входил в перечень.

Выйдя на улицу, Артём записал в блокнот одно слово: «Корнеев».

Вечер у Хофмана

Хофман ждал его в 19:00 — не в офисе, в ресторане на набережной, за столиком у стены. Он подвинул вторую чашку. Артём сел.

— Кофе, — сказал Хофман. — Пейте. Это не предложение, это информация.

Артём выпил.

— Теперь слушайте, — сказал Хофман. — Три вещи, и я говорю их один раз.

— Слушаю.

— Первое. Запрос о наследственном статусе подан через консульский канал. Это не банк и не частное лицо — это документ, который проходит через государственные структуры. Тот, кто его инициировал, имеет доступ к реестрам. Таких людей в вашей стране немного, и каждый из них получает за это не деньги, а другое: возможность не быть уволенным.

— Второе?

— Второе. Ваши одиннадцать миллионов в глазах швейцарского права — деньги, у которых нет владельца. Это худшее состояние, в котором могут находиться деньги. Каждая неделя ожидания увеличивает вероятность того, что кто-то появится и заявит о владении — и не Савельевич, не вы и не три тысячи семьсот семей.

— Третье?

— Третье. Я приму вашу декларацию, если вы её подпишете. — Хофман посмотрел Артёму в глаза. — Потому что банк, который принял один перевод в одиннадцать сорок один, уже в этом деле. Второй перевод ничего не изменит. Но я скажу вам одно: подпишите декларацию — и запишите дату. Дата, которую вы запишете сегодня, станет датой, с которой за вами начнут идти. Не за деньгами. За именем.

Артём допил кофе.

— Я запишу дату, — сказал он.

Он дописал её в тетради в 22:15. Дата была 20 августа.

* * *

ГЛАВА 15. ВТОРОЙ ПУТЬ

Отель

Ночь на 19-е он провёл не во сне, а в расчётах. Отель на Платтенштрассе — номер, в котором он жил шестую неделю, — стоял тёмный: не работал ни лифт, ни свет в коридоре — профилактика. Артём сидел у окна и писал фонариком в тетрадь — не потому что не было света, а потому что хотел темноты.

— Хватит, — сказал он себе в 03:40. — Записывай.

Он писал:

«Второй путь. Декларация доверительного собственника. Что это значит юридически: я — лицо, которое распоряжается деньгами по письменному договору. Что это значит фактически: я становлюсь человеком, на которого смотрят. На одиннадцать миллионов двести сорок тысяч долларов. На три тысячи семьсот семей».

Он остановился, потом дописал:

«Что это значит лично: если деньгами воспользуются не те, для кого они предназначены, — это сделаю я».

Он закрыл тетрадь и подумал о Савельевиче. Не о том, который держит счёт. О том, который в 1986-м сказал: «Было то, что записано». В 1986-м это было учение. В 1998-м

это был приговор.

В 04:12 он дописал последнюю строку:

«Савельевич держит деньги четыре года. Если он умрёт — не скажет и не запишет. Декларация не заменяет его. Декларация открывает мне дверь, из которой он не выйдет. Дверь, которую я открою, нельзя будет закрыть».

Он не знал, что записал пункт, который потом назовут самой дорогой строкой декларации.

Деньги на бумаге

В 10:00 он был в банке Хофмана — не у Хофмана, у клерка, который оформлял документы. Артём смотрел, как оформляют доверительное распоряжение: клерк набирал текст, не глядя на экран, — быстрее, чем человек думает.

В декларации было одиннадцать пунктов. Артём прочитал каждый. Десять были стандартными — «доверительное лицо обязуется…», «доверительное лицо не вправе…», «доверительное лицо отчитывается…». Одиннадцатый пункт был одиннадцатым, потому что Артём попросил его вписать.

Пункт одиннадцатый гласил: «Цель доверительного распоряжения — сохранение средств для передачи бенефициарам, указанным в приложении. Приложение составляется владельцем счёта. Владелец счёта — лицо, подпись которого зарегистрирована в банке под номером 22-41».

Клерк напечатал пункт, поднял глаза и сказал:

— Господин Быстров. Приложение бенефициаров. Вы его предоставите?

— Приложение составит владелец.

— Владелец должен составить его письменно. Для банка.

— Он составит.

— Когда?

— Когда сможет. До этого пункт одиннадцатый — декларация о намерении, — сказал Артём. — Банк получает пра-

во не исполнять перевод до получения приложения.

Клерк посмотрел на Артёма с уважением, которого Артём не просил. Люди его профессии всегда уважали тех, кто умел не то, что обещать, — а обещать меньше, чем может.

Решение

Вечером 19-го Артём сидел в номере и смотрел на два листа.

Первый — расчёт: одиннадцать миллионов двести сорок тысяч, три тысячи семьсот семей, три года, проценты, ставка, валюта.

Второй — лист Келлера: декларация доверительного собственника, которую Артём подписывал бы, вступая в состояние, из которого выходят или не выходят.

Он подписал второй лист в 11:41 20 августа — и сделал это не потому, что решился. Он подписал его потому, что понял: между вторым и третьим путём не было выбора. Третий путь — доказать, что Савельевич жив, — означало выдать его системе. Первый путь — наследство — означало поставить деньги на три года в заморозку, из которой не выйдет ни Савельевич, ни семьи, ни сам Артём. Второй путь оставлял единственное, что не отнимало ничего ни у кого: взять на себя.

Взять на себя — не значит взять себе. Он знал это различие так же, как Савельевич знал разницу между «для» и «на».

Он записал в тетради строку, которой открывался раздел третий романа:

«Началась не охота на деньги. Началась охота на того, кто

подпишет за них».

* * *

ГЛАВА 16. ГОЛОС

Девятнадцатое число

19 августа — день между декларацией и подписью — Артём провёл в четырёх местах и не сделал в них ничего.

В 10:30 он был у Келлера. Келлер читал пункт одиннадцатый и качал головой.

— Вы делаете из банка соучастника, — сказал он. — Пункт одиннадцатый — это признание, что средства имеют бенефициаров. Бенефициары неизвестны. По швейцарскому праву средства с неизвестным бенефициаром подлежат блокировке вплоть до установления. Вы своими руками даёте им основание.

— Даю им основание держать деньги.

— Основание держать деньги — это не то же, что основание держать людей.

— Это одно и то же, — сказал Артём и ушёл.

В 13:00 он был у нотариуса — не российского: швейцарского юриста, который умел готовить документы так, чтобы они не вызывали вопросов в консульствах других стран. Артём получил три апостиля — на доверенность, на паспорт, на справку о том, что он не состоит в браке и не имеет наследственных претензий к самому себе.

В 16:00 он был в банке. Хофман был не в Цюрихе. Клерк сказал, что Хофман будет в 18:00. Хофман не появился.

В 18:40 Артём позвонил в Женеву. Хофман ответил после третьего гудка и не поздоровался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.